

Глава 114. Плохой ученик приручил темного, влажного мужчину-призрака (29)

Три дня подряд Сяхоу Янь лежал на брачном ложе, не принимая пищи, и крепко прижимал к груди алый свадебный наряд. Его седые виски на фоне этого яркого цвета казались особенно горькими и пронзительными.

Глаза его высохли, в них не осталось ни слезинки.

А-шу, с подносом в руках, бесшумно вошел в комнату, приблизился к постели и тихо уговаривал:

— Господин, вы бы поели немного?

«...»

Человек на кровати не отвечал.

Ни слова, ни звука.

А-шу беспомощно вздохнул, глаза его покраснели, на лице застыла глубокая печаль.

Прошло три дня с тех пор, как исчез Лин Янь. Господин так и лежал в кровати, прижимая к себе свадебную одежду, ничего не ел, не пил, не двигался.

Ему оставалось только молча поставить свежую еду и убрать нетронутый вчерашний ужин.

На полпути снег за окном придавил оконную раму, и оттуда выпал лист бумаги, опустившись прямо к ногам А-шу. Он нагнулся, увидел почерк и вскрикнул:

— Господин, это письмо!

Верно.

Лин Янь говорил, что оставил для господина письмо.

Алая фигура на ложе слегка дрогнула, словно не сразу осознав, что произошло, и лишь растерянно моргнула сухими глазами.

А-шу быстро поднял письмо, подбежал к кровати и протянул его Сяхоу Яню:

— Господин, прочитайте! Это письмо от Лин Яня!

«...»

Сяхоу Янь, казалось, очнулся от тяжелого сна.

Он попытался приподняться с постели, но после трех дней голодания даже пальцы его ослабли, он лишь дрожащей рукой принял тонкий лист бумаги.

«Моему мужу А-Яню:

Когда ты прочтёшь это письмо, я, возможно, уже ушёл в землю или рассеялся, как дым. Но пожалуйста, не пугайся, не печалься —

Мы обязательно встретимся снова где-нибудь в будущем.

Я не беженец, я человек из будущего. В ту далёкую эпоху я уже читал твоё имя в исторических хрониках. Возможно, это путешествие во времени — наша судьба.

Так что не бойся. Сколько бы лет и жизней ни разделяло нас, мы встретимся снова.

И, наконец.

Не плачь...»

Это письмо Сяхоу Янь перечитывал снова и снова. Он прижал этот тонкий листок к груди, его глаза давно высохли, и слёз больше не было.

Он провёл рукой по уголкам глаз — сухо.

Сяхоу Янь тихо рассмеялся, и смех его был лёгким, как у ребёнка, просящего награду:

— Янь-Янь, видишь? Я послушался, я не плакал. Я буду ждать тебя, сколько бы ни пришлось.

А-шу, стоящий рядом, уже отвернулся, тихо всхлипывая.

Согласно «Хроникам правления Цзинлун», в тридцать пятом году правления Цзинлун состоялась свадьба князя, умиряющего север. Вся страна праздновала, во всех домах царил ликование. Однако супруга князя вскоре после свадьбы скончалась.

В тридцать шестом году правления Цзинлун северные племена вновь вторглись на границы. Князь, умиряющий север, лично повёл железную конницу на защиту рубежей.

В тридцать седьмом году — то же самое.

В тридцать восьмом году князь повёл войска в глубокий рейд, разгромил северные племена и принудил их к покорности.

В том же году был подписан мирный договор, и на границах временно воцарилось спокойствие.

В тридцать девятом году князь внезапно увлёкся даосскими практиками, собирал по всей стране мудрецов, искал бессмертные эликсиры и стремился постичь тайну вечной жизни.

В сороковом году князь, обезумев от тоски по жене, лично руководил строительством парного мавзолея. Внутри усыпальницы он воссоздал обстановку их брачной ночи — красные свечи, парчовые занавеси, всё как тогда.

В сорок третьем году правления Цзинлун князь скончался. Молва гласила, что он долгие годы воевал, и его тело было изранено, поэтому он и был похоронен вместе с супругой в мавзолее.

Но в народе ходила иная легенда: князь умер не от ран, а от тоски, которую не могли исцелить никакие лекарства. И не был похоронен после смерти, а сам сошёл в гробницу живым.

Некий даосский монах шептал, что это была форма бессмертия, заключённая в смерти — не для обретения вечной жизни, а чтобы в бесконечном круговороте перерождений дожидаться одного человека.

...

Белый туман клубился, как сон, растворяя сознание в этой дымке.

Лин Янь дрогнул ресницами, словно пробуждаясь от долгого сна.

Прежде чем взгляд его прояснился, он увидел знакомый алый свадебный безмен, который медленно приподнимал покрывало у него на голове — движение было нежным, будто прикасались к бесценному сокровищу.

Красная вуаль поднялась, и его взгляд встретился с парой глубоких, как ночь, глаз.

Слеза бесшумно скатилась по его щеке, оставляя влажное пятно на алом покрывале.

Лин Янь в один миг бросился в объятия Сяхоу Яня, горячие слёзы пропитали воротник его одежды. Он приблизился к его уху, голос его был прерывистым от рыданий, но слова звучали отчётливо:

— Сяхоу Янь, я заставил тебя ждать.

Пальцы Сяхоу Яня дрожали, руки, обнимающие его, тряслись.

Он сдерживал бурю эмоций и низко произнёс:

— Я послушался и не плакал. Поэтому я дождался тебя.

Он взмахнул рукой, и в воздухе, словно из ниоткуда, появились две чаши с рисовым вином, мерцающие янтарным блеском в свете свадебных свечей.

Внутри алого полога Сяхоу Янь смотрел на Лин Яня, в глазах его плясало безумное счастье, голос его звучал одержимо и нежно:

— Янь-Янь, пришло время выпить свадебное вино. Этот обряд нельзя пропускать.

Лин Янь в изумлении смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

Сяхоу Янь опустил взгляд, голос его был тих, как вздох:

— Сегодня ночь нашей брачной ночи.

— Эту ночь он ждал триста восемьдесят лет.

Лин Янь взял одну из чаш, с улыбкой глядя на него:

— Хорошо.

Как же он не понимал.

Эти триста восемьдесят лет одиночества — какими бесконечными они были.

Их руки переплелись, вино пролилось в горло.

В следующий миг Лин Яня мягко опустили на ложе, застланное парчой. Сяхоу Янь наклонился и поцеловал его — поцелуй был нежным и в то же время тяжелым от многолетней сдержанности:

— Янь-Янь, я дождался тебя.

Лин Янь закрыл глаза, отвечая на запоздалый поцелуй.

Внезапно он что-то вспомнил, резко открыл глаза и попытался оттолкнуть его.

— Подожди, Чжоу Чжэн и Цзян Юньшу всё ещё снаружи!

Не успел он договорить, как многослойный алый полог бесшумно опустился, полностью отделяя их от внешнего мира.

В тусклом свете свечей Сяхоу Янь, развязывая его пояс, шепнул между поцелуями:

— Ничего, пусть постоят на коленях снаружи.

— И ещё, — голос его стал хриплым, — в брачную ночь не принято говорить о других.

<http://bllate.org/book/18456/1989661>